

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ НАУК СССР

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
1944

№ 7—8

Доктор филологических наук Л. А. Плоткин

ЧЕХОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(К 40-летию со дня смерти писателя)

Величие народа, его гений, его физические и нравственные силы, его жизненная энергия с особой полнотой и яркостью раскрываются в критические периоды истории. Вторая мировая война — один из наиболее суровых и грозных кризисов, какие когда-либо переживало человечество. Шквалом потрясающей силы пронеслось над Европой немецкое нашествие. Одно за другим падали под ударами бронированных армий Гитлера европейские государства. Народами Запада овладевало отчаяние. Казалось, нет в мире силы, способной остановить неуклонное движение гигантской человекоубийственной машины... И в этот момент несокрушимой стеной на пути фашистских орд встал русский народ во главе других народов Советского Союза...

Весь мир стремится постигнуть характер народа, совершившего этот небывалый в истории подвиг героизма и стойкости — сумевшего не только отразить чудовищный натиск врага, но в битве один на один нанести узурпаторам такие поражения, которые поставили фашистскую Германию на край катастрофы.

Многие факторы отражают исторические особенности народов. К числу этих факторов относится и литература, запечатлевающая душу народа, его психику, его культуру и быт, его традиции и социальные устремления. Могучая жизненная энергия русского народа, его человечность, широта его социальных идеалов — все те черты, которые с такой мощью проявились в Октябрьской революции и в Великой отечественной войне и которые вызывают восторженное изумление у всех наших друзей за границей, запечатлены в передовой русской литературе, в мотивах, составляющих ее основное содержание.

В грозные дни ноября 1941 г., когда враг был в трех десятках километров от Москвы, прозвучали слова товарища Сталина о великой русской нации — «...нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!...»

Нация Чехова! Слова вождя говорят не только о том, что Чехов — слава и гордость русского народа, они означают, что Чехов выразил, воплотил в своих творениях самые высокие и самые благородные черты русского народа.

Всякое большое литературное явление живет и развивается в сознании поколений, и каждая эпоха обнаруживает в нем новые черты, новые стороны и грани. Наше время — время нелегкой и всесторонней проверки многих жизненных ценностей.

В чем же значение художественного наследия Чехова в наши дни, в дни великого драматизма и великих испытаний всех физических и нравственных сил нашей Родины?

В литературных портретах Горького есть знаменательные слова о Чехове: «Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл». Еще ранее, в 1900 г. Горький писал: «...каждый новый рассказ Чехова все усили-

вает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

В этих словах Горького заключается ответ на вопрос о значении Чехова в наши дни, в них — ключ к постижению творчества Чехова. Эти слова, наконец, полностью опровергают распространенное некогда утверждение, что Чехов был пессимистом, «певцом сумерек и хмурых людей», выразителем политического безвременья.

Чехов умер сравнительно молодым, в полном расцвете своего творческого гения. Но он прошел большой и сложный путь развития. В литературе Чехов выступил в 1880 г., еще будучи студентом. До середины 80-х годов он был известен главным образом как сотрудник юмористических журналов. Его рассказы и сценки, полные жизни и юмора, обличали мещанскую пошлость, лживость и рабскую приниженность и ратовали за высокое достоинство человека. Глубокая и тонкая наблюдательность, чудесный язык, остроумие и жизнерадостность, неистощимая сюжетная изобретательность сразу же выделили их в юмористической журналистике 80-х годов. Уже тогда были созданы Чеховым такие шедевры, как «Унтер Пришибеев», «Злоумышленник», «Дочь Альбиона», «Хирургия» и многие другие, доставляющие такое большое наслаждение нашему читателю и по сей день. В дальнейшем творчество Чехова приобретает все более глубокий философский и социальный смысл. Он становится одним из популярнейших писателей не только в русской, но и в мировой литературе. Чехов создает ряд произведений, приобретающих поистине значение художественных документов эпохи: «Степь», «Скучная история», «Дуэль», «Моя жизнь», «Рассказ неизвестного человека», «Черный монах», «Палата № 6», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «В овраге», «Мужики». В этих произведениях отразилась русская жизнь конца XIX — начала XX вв. — идейные, политические, философские, эстетические искания эпохи. Своими пьесами «Чайка», «Иванов», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» Чехов произвел подлинный переворот во всей мировой драматургии.

Многогранность чеховского творчества и в жанровом отношении и с точки зрения охвата жизненных явлений общеизвестна. Юмореска и повесть, водевиль и лирическая комедия, рассказ и очерк, бытовая сценка и психологическая драма — во всех этих жанрах Чехов показал себя непревзойденным мастером. Нет почти ни одного социального слоя, ни одной профессии, которая не послужила бы для него объектом художественного воспроизведения. Крестьяне и помещики, врачи и актеры, адвокаты и купцы, священники и учителя — поистине неисчерпаема портретная галерея чеховских произведений. Но эта яркая калейдоскопическая пестрота проникнута некоей глубокой, определяющей жизненной концепцией, которая названа была в свое время Белинским пафосом творчества.

Для того чтобы понять, в чем состоит этот пафос у Чехова, следует остановиться на объективизме, в котором видят основу чеховского реалистического метода. Объективизм Чехова обычно связывали с отсутствием определенного социального мировоззрения. Наиболее отчетливо выразил это мнение Михайловский. В письме к Чехову он писал: «Читая «Степь»... я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная, куда и зачем».

В подтверждение этого тезиса обычно ссылаются на слова Чехова в известном письме его к Суворину от 25 ноября 1892 г.: «Писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... У одних, смотря по калибру,

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

цели ближайшие — крепостное право, освобождение родины, политика, красота... у других цели отдаленные — бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. Лучшие из них реальны и живут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпру ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей и в нашей душе хоть шаром покати».

Тезис Михайловского, таким образом, приобретает как будто санкцию самого Чехова. Однако, цитируя письмо к Суворину, исследователи творчества Чехова странным образом проходят мимо того факта, что в переписке с Сувориным эта тема имела свое продолжение и притом весьма симптоматическое. 3 декабря Чехов писал Суворину: «Я пишу, что нет целей, и Вы понимаете, что эти цели я считаю необходимыми и охотно бы пошел искать их... Кто искренно думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

Бездумное приятие жизни как таковой, отсутствие высших целей, равнодушие к добру и злу, социальный индифферентизм Чехов называл «философией отчаяния». Высшие цели он считал необходимыми, без них он не мыслил настоящего творчества, и, как мы увидим ниже, эти цели, этот пафос пронизывали все его творчество.

Но если Чехов считал равнодушное и безразличное отношение к жизни пороком, то какое же содержание он вкладывал в понятие объективности и действительно ли чеховская объективность была синонимом аполитичности и некоей внутренней бесцельности его творчества?

В письмах Чехова, как и в его творческой практике, заключен исчерпывающий ответ на этот вопрос. В разное время и в разных аспектах он давал разные мотивировки и обоснования своей объективности, но в своей совокупности эти мотивировки образуют картину целостную и отчетливую.

Так, в письме к Суворину от 1 апреля 1890 г. Чехов обосновывал закономерность и необходимость художественной объективности требованием компактности и концентрированности образов в новелле. «Вы браните меня за объективность, — писал он по поводу рассказа «Воры», — называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и проч.... Конечно было бы приятно сочетать искусство с проповедью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условиям техники. Ведь чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я все время должен говорить и думать в их тоне и чувствовать в их духе, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и рассказ не будет так компактен, как надлежит быть всем коротеньким рассказам. Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам».

Писательницу Авилову он предостерегал против сентиментальной субъективности, особенно в трагических сюжетах: «...вот Вам мой читательский совет: когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это даст чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны».

Поясняя эту мысль, Чехов подчеркивал, что он имеет в виду не писательское равнодушие. Отношение писателя к своим персонажам может и должно быть страстным и субъективным. Но в манере изложе-

ния следует добиваться лаконической сдержанности: «Да! Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказом можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление. Вот что я хотел сказать».

Чрезвычайно любопытно, что холодную сдержанность Чехов рассматривал как фактор, усиливающий впечатление: «тем чувствительнее выйдет», — утверждал он в другом письме.

К этому положению Чехов возвращался неоднократно, на нем он настаивал как на одном из основных элементов своей поэтики.

Сдержанность и компактность, пластичность произведения он считал признаком настоящего искусства. В этом смысле замечательны его слова об искусстве реалистической правды: «Недостаток у Вас один, крупный по-моему недостаток, это то, что Вы не отделяете, отчего Ваши вещи местами кажутся растянутыми, загроможденными, в них нет той компактности, которая делает живыми короткие вещи. В Ваших повестях есть ум, есть талант, есть беллетристика, но недостаточно искусства. Вы правильно лепите фигуру, но не пластично. Вы не хотите или ленитесь удалить резцом все лишнее. Ведь сделать из мрамора лицо, это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо».

Таким образом, обнаружение сокровенной сущности вещей, раскрытие действительности во всей ее конкретности, умение отбросить все, что не является сущностью предмета и что мешает ее постижению, лаконизм и компактность, отсутствие сентиментального субъективизма, — вот что считал Чехов художественной объективностью. Это был осознанный реалистический художественный метод, в основе которого лежало стремление средствами художественного слова наиболее полно и всесторонне раскрыть реальный объект и наиболее эффективно воздействовать на читателя.

Чехов полагал, что идея произведения должна заключаться не в авторских сентенциях, не в лирических отступлениях, не в субъективном комментарии писателя, а в объективной логике образов. Недаром он подчеркивал, что мысль автора заключена уже в самом выборе предмета и в комбинации фактов. История показала, что своим объективным методом Чехов достигал огромного эффекта. В своих воспоминаниях Анна Ильинична Елизарова указывает, что на Владимира Ильича Ленина произвела, например, потрясающее впечатление «Палата № 6» — повесть, написанная в спокойных и сдержанных, объективных, «чеховских» тонах.

Чеховская объективность, разумеется, ничего общего не имела с аполитичностью и идейной бесперспективностью, и она ни в какой мере не отменяла активной оценки событий. Своеобразная особенность художественной системы Чехова заключается в чрезвычайно тонком сочетании этой объективности с оценочным элементом.

Вот, например, характерное чеховское сравнение из повести «В овраге». Он говорит об Аксинье: «С желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову». Разумеется, это сравнение рассчитано не только на создание зрительного образа: в нем заключена почти обнаженная характеристика персонажа.

В портрете деревенского кулака из рассказа «На святках» субъективный, оценочный элемент выражен еще более открыто: «Он сидел на табурете, раскинув широко ноги под столом, сытый, здоровый, мордастый, с красным затылком. Это была сама пошлость, грубая, надменная, непобедимая, гордая тем, что она родилась и выросла в трактире».

Эту оценку жизненных явлений Чехов передавал зачастую одной какой-либо повторяющейся концентрированной деталью. Можно напомнить знаменитую характеристику Беликова — «человека в футляре», у которого и «зонтик... был в чехле, и часы в чехле... и... перочинный нож... был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник».

В рассказе «Крыжовник» Чехов одной такой обобщающей деталью передает растительную, «бесцельную» жизнь, в которую погрузился герой рассказа: «иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед — того и гляди хрюкнет в одеяло».

В критике укоренилось мнение, что Чехов любил приглушенные краски и тона и что эпитеты его, по выражению Айхенвальда, можно назвать «мазовыми». Это представление глубоко ошибочно. Чехов нередко прибегал к резким и определенным эпитетам, метафорам и сравнениям, в которых оценка явлений жизни выражалась иногда с публицистической прямоотой. И это вызывалось теми «высшими целями», которых, по словам Чехова, он якобы не имел, но за которые на деле он боролся энергично и последовательно всем своим творчеством.

Стремление возбудить социальную энергию народа, развить в нем активное, действенное отношение к жизни, непреклонную волю к переустройству действительности на гармонических началах — вот первое, что необходимо отметить, когда мы говорим о «высших целях», о пафосе чеховского творчества. И если под «восьмидесятничеством» разумеют упадок воли и пессимизм, то в лице Чехова эти явления русской жизни имели принципиального и убежденного противника.

И в личных воспоминаниях и в художественных произведениях Чехова требование действенного отношения к жизни звучит как один из главных мотивов.

Чехов писал А. С. Суворину 29 марта 1890 г., имея в виду сына адресата: «Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется с ними — так хочет природа и на этом зиждется прогресс... Он вяло и лениво протестует, скоро понижает голос, скоро соглашается, и в общем получается такое впечатление, как будто он совсем не заинтересован в борьбе, т. е. участвует в петушином бою, как зритель, не имея собственного петуха. А своего петуха иметь надо, иначе неинтересно жить».

К этой мысли о необходимости действенного и кровно заинтересованного отношения к жизни Чехов возвращался неоднократно. Переписка его полна замечаний этого рода.

«Я презираю лень, — утверждал Чехов, — как презираю слабость и вялость душевных движений».

«Вы спрашиваете... — писал он, — что должен желать теперь русский человек?» Вот мой ответ: желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент».

Эти мотивы были для Чехова определяющими и в художественных произведениях. В своих рассказах, повестях, драмах он показал, что безвольное, пассивное отношение к действительности, стремление примириться с отрицательными сторонами жизни, неизбежно вырождающееся в пошлое мещанское прозябание, — болезнь, которую необходимо преодолеть.

В повести «Скучная история» Николай Степанович говорит Кате: «Тон и манеры у тебя таковы, как будто ты жертва. Это мне не нравится, друг мой. Сама ты виновата. Вспомни, ты начала с того, что

рассердилась на людей и на порядки, но ничего не сделала, чтобы те и другие стали лучше. Ты не боролась со злом, а утомилась, и ты жертва не борьбы, а своего бессилия».

Свои наблюдения на этот счет Николай Степанович выражает в обобщенной формуле: «Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть».

«Палата № 6» вся построена на опровержении стоической философии равнодушия и презрения к жизни и к ее страданиям. Иван Дмитриевич в споре с доктором Рагиным говорит: «Органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздражение. И я реагирую. На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость — негодованием, на мерзость — отвращением. По-моему, это, собственно, и называется жизнью. Чем ниже организм, тем он менее чувствителен и тем слабее отвечает на раздражение, и чем выше, тем он восприимчивее и энергичнее реагирует на действительность».

Характерно, что в речах Ивана Дмитриевича почти текстуально повторены мысли Чехова, выраженные в цитированных выше письмах.

В рассказе «Крыжовник» Чехов устами своего героя говорит о борьбе, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

В том же рассказе «Крыжовник», где «художество» и «проповедь», о которых писал Чехов, слиты в органическом единстве, тема действенного отношения к жизни окрашена в отчетливые социальные тона: «Вы взгляните на эту жизнь, — говорит рассказчик, от имени которого ведется повествование, — наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился».

Естественным образом этот мотив борьбы и возмущения социальной несправедливостью сочетался с протестом против теории «малых дел», против благонамеренных прогрессистов постепенного толка.

«Свобода есть благо, говорил я, без нее нельзя, как без воздуха, но надо подождать. Да, я говорил так, а теперь спрашиваю: во имя чего ждать? — спросил Иван Иванович, сердито глядя на Буркина. — Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Во имя каких соображений? Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою над рвом и жду, когда он зарастет сам или затащат его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост?.. Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!»

Борьба за активное, действенное, критическое отношение к жизни приобрела у Чехова политическое содержание, революционное по своей сущности.

Отсутствие критического элемента, стремление усыпить сознание иллюзорным благополучием Чехов считал специфической особенностью буржуазной литературы.

Социальную же функцию своего творчества Чехов усматривал в прямо противоположном: не успокаивать, а волновать, не усыплять, а

будить — вот творческие принципы, которые отстаивал Чехов. «Вы... плакали на моих пьесах, — говорил он Тихонову. — Да не Вы один. А ведь я не для этого их написал, это их Алексеев сделал такими плаксивыми. Я хотел другое. Я хотел только честно и откровенно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы плохо и скучно живете. Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь. Я ее не увижу, но я знаю, она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть. А пока ее нет, я опять и опять буду говорить людям: поймите же, как вы плохо и скучно живете. Над чем же тут плакать?»

Это стремление создать «другую, лучшую жизнь», это волевое, активное начало, эта жизненная энергия были в высокой мере свойственны Чехову как личности. В мемуарной литературе о Чехове мы находим единодушные свидетельства о необыкновенной простоте, естественности и скромности Чехова, о его душевном благородстве, об особой чеховской деликатности. В этом смысле чрезвычайно характерен эпизод, описываемый Горьким.

«Как-то при мне Толстой восхищался рассказом Чехова, кажется — «Душенькой». Он говорил:

— Это — как бы кружево, сплетенное целомудренной девушкой; были в старину такие девушки кружевницы, «вековуши», они всю жизнь свою, все мечты о счастье влагали в узор. Мечтали узорами о самом милом, всю неясную, чистую любовь свою выплетали в кружево. Толстой говорил очень волнуясь, со слезами на глазах. А у Чехова в этот день была повышенная температура, он сидел с красными пятнами на щеках и, наклоня голову, тщательно протирал пенснэ. Долго молчал, наконец, вздохнув, сказал тихо и смущенно:

— Там — опечатки...».

Но эта застенчивая скромность, так рельефно выразившаяся в описанном эпизоде, сочеталась у Чехова с замечательной силой воли, энергией, упорством в достижении поставленной цели. Сама писательская работа Чехова — это поистине великий трудовой подвиг. Его необыкновенная настойчивость в отделке, в шлифовке огромного количества написанных им произведений общеизвестна.

Свою писательскую работу Чехов сочетал с разносторонней общественной деятельностью. Живя в деревне, он систематически вел большую врачебную практику. Он принимал участие в борьбе с холерой в годы эпидемии.

Наиболее показательна для характеристики деятельного, активного отношения Чехова к жизни его поездка на Сахалин в 1890 г. К этому времени у Чехова уже обозначились первые признаки туберкулезного процесса. Дорога на Сахалин представляла исключительные трудности, но это не остановило Чехова. Ему пришлось проделать многие тысячи километров в условиях распутицы, бездорожья, весеннего половодья. Много раз жизнь его была в опасности. На Сахалине Чехов провел огромную работу. Он сам рассказывал, что вставал каждый день в 5 часов утра и поздно ложился. Чеховым была впервые проведена перепись всего сахалинского населения.

Человек необычайной душевной деликатности, Чехов проявлял замечательную непримиримость, когда задевались его жизненные убеждения, его морально-политические принципы. Так, в частности, он, весьма высоко ценивший свое избрание в почетные члены Академии Наук, заявил о сложении с себя этого звания, когда под нажимом Николая II было совершенно незаконно отменено избрание Горького. Это был акт большого гражданского мужества.

Человеком большой жизненной энергии, большого ума и сердца ри-

суют Чехова его письма, в которых зафиксированы непосредственные жизненные наблюдения писателя, его встречи с людьми, литературные мнения. Следует сказать, что по своему блестящему литературному мастерству, по своему остроумию и изяществу, по своей искренности и богатству мыслей и фактов письма Чехова занимают одно из первых мест среди мировых шедевров эпистолярного искусства.

Во имя чего же призывал Чехов читателя к борьбе, к социальной активности?

Народническая критика всячески стремилась доказать, что у Чехова не было положительных социальных идеалов. Эти упреки, разумеется, совершенно неосновательны. Слов нет, трудно найти у Чехова законченную, подробную и целостную программу. Но такой программы нет, пожалуй, у подавляющего большинства великих художников прошлого. Можно говорить лишь о мировоззрении в широком смысле слова. А здесь убеждения Чехова были глубоки и определены. Он был одним из ярчайших выразителей русской демократии, сторонником политической свободы и общенародного прогресса, последовательным гуманистом, убежденным противником деспотизма и угнетения. Глубокая человечность, борьба за гармонического, счастливого и свободного человека, борьба против всех форм унижения человеческого достоинства — вот в чем пафос творчества Чехова.

В свои социальные идеалы Чехов вносил черты своеобразного эстетизма. Эстетическое и этическое, нравственное и прекрасное — для него понятия равнозначные. Общественная гармония и красота в человеческой жизни неотделимы друг от друга. Горький отмечал у Чехова высокие требования в жизни, горячее желание «видеть людей простыми, красивыми, гармоничными». Устами своего героя Чехов провозгласил: «В человеке должно быть все прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли». В высшей степени характерно и закономерно, что этот чеховский афоризм был найден в записной книжке героини советского народа Зои Космодемьянской. Лучшим представителям советской молодежи чеховский идеал прекрасного и гармонического человека был дорог и близок.

Чехов со всей присущей ему реалистической трезвостью видел отрицательные стороны абсолютистской России и на всем протяжении своей литературной деятельности, начиная от ранних юморесок и кончая предсмертными произведениями, не переставал раскрывать трагические противоречия русской жизни в условиях самодержавия.

Неугасимый дух протеста против всех форм политического гнета Чехов пронес через всю свою жизнь. Созданные со свойственной ему обобщающей силой образы «унтера Пришибеева», «человека в футляре», «палаты № 6» стали символами самодержавной реакции и тирании.

Но, видя все отрицательные стороны реакционного царизма, Чехов не переставал верить в свой народ, который он высоко ценил. «Народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями», — писал он о сибиряках М. П. Чеховой.

С восхищением Чехов говорил не только о сибиряках. «А какой прекрасный народ в Нижегородской губ., — сообщал он Суворину 22 января 1892 г., — мужики ядренные, коренники, молодец в молодца — с каждого можно купца Калашникова писать. И умный народ».

Замечаний такого рода у Чехова немало. Он чувствовал в русском народе богатырскую силу Калашникова, калашниковскую стойкость, его способность бороться за свою честь, за свои права до конца.

Своеобразным лейтмотивом звучат слова Чехова о России в рассказе «Крыжовник» — «Как велика, как прекрасна эта страна».

С большой силой и страстью борясь за социальную справедливость, за общественную гармонию, за высокие человеческие права, Чехов вы-

ступал энергичным и убежденным противником самой философии неравенства, деспотизма, философии, освящающей несправедливость и насилие. В этом смысле исключительный интерес представляет повесть «Дуэль» — блестящее произведение Чехова, которое совершенно несправедливо обходится в критической литературе.

Один из главных героев этой повести — зоолог фон-Корен. Чехов подробно и отчетливо раскрывает чрезвычайно симптоматическое мировоззрение этого персонажа.

«Для фон-Корена... люди — щенки и ничтожества, слишком мелкие для того, чтобы быть целью его жизни, — говорит о зоологе другой персонаж повести Лаевский. — Он работает, пойдет в экспедицию и свернет себе там шею не во имя любви к ближнему, а во имя таких абстрактов, как... идеальная порода людей... Он хлопочет об улучшении человеческой породы и в этом отношении мы для него только рабы, мясо для пушек, вьючные животные; одних бы он уничтожил или законопатил на каторгу, других скрутил бы дисциплиной, заставил бы, как Аракчеев, вставать и ложиться по барабану, поставил бы евнухов, чтобы стеречь наше целомудрие и нравственность, велел бы стрелять во всякого, кто выходит за круг нашей узкой, консервативной морали, и все это во имя улучшения человеческой породы...»

Характеристика, которую дает Лаевский фон-Корену, находит свое подтверждение и в делах и главным образом в рассуждениях последнего.

Чехов подчеркивает самодовольство и ограниченность фон-Корена: «Он был очень доволен и своим лицом, и красиво подстриженной бородкой, и широкими плечами, которые служили очевидным доказательством его хорошего здоровья и крепкого сложения. Он был доволен и своим франтовским костюмом, начиная с галстука, подобранного под цвет рубахи, и кончая желтыми башмаками».

Фон-Корен развивает целую концепцию, в которой вульгаризованный дарвинизм должен служить опорой для человеконенавистнической философии. По мнению фон-Корена, самые хищные и, по выражению доктора Самолейко, «подлые и безнравственные» звери нужны и служат «великим» целям усовершенствования, так как они сокрушают только слабых, неуксусных, неосторожных, одним словом, имеющих недостатки, которые природа не находит нужным передавать в потомство. Остаются в живых только более ловкие, осторожные, сильные и развитые. Фон-Корен утверждает, что забвение простых и жестоких законов звериного царства приведет человечество к вырождению.

«Человеческая культура ослабила и стремится свести к нулю борьбу за существование и подбор, — говорит он, — отсюда быстрое размножение слабых и преобладание их над сильными».

В подавлении слабого сильным, в торжестве силы, хотя бы и неправедной, фон-Корен видит «разумную законность»: «Есть сила, которая, если не выше, то сильнее нас и нашей философии. Мы не можем остановить ее так же, как вот этой тучи, которая подвигается из-за моря. Не лицемерьте же, не показывайте ей кукиша в кармане и не говорите: «ах, глупо! ах, устарело! ах, несогласно с писанием!», а глядите прямо ей в глаза, признавайте разумную законность и когда она, например, хочет уничтожить хилое, золотушное, развращенное племя, то не мешайте ей вашими пилюлями и цитатами из дурно понятого Евангелия».

В суждениях фон-Корена, которому Чехов, как это явствует из его писем, сознательно присвоил немецкую фамилию, писатель с огромной силой и проницательностью разоблачил философию предшественников немецкого фашизма, и в частности философию ницшеанства.

Через четыре года после написания повести Чехов говорил о Ниц-

ше: «философию его... я считаю недолговечной, она не столь убедительна, сколь бравурна». В самой повести Чехов упоминает об одном из предшественников Ницше — Шопенгауэре. Но как бы то ни было, фон-Корен с его человеконенавистнической идеологией, с его культом силы, с его апологией неравенства, с его жестоким и циническим отношением к человеку воспроизводит ницшеанскую философию. Ведь это именно Ницше писал: «Требовать от силы, чтобы она не проявляла себя силой, чтобы она не была желанием одолеть, сбросить, желанием господства, жаждой врагов, сопротивлением и торжеством — это столь же бессмысленно, как требовать от слабости, чтобы она проявлялась в виде силы».

Повесть «Дуэль» рисует Чехова как великого гуманиста, которому была ненавистна философия угнетения, философия, возводящая в культ грубую силу и право кулака, философия, которая стала евангелием фашистского изуверства.

Те же убеждения демократа и гуманиста, то же отвращение к несправедливости, к бесправию и шовинизму определили позицию, занятую Чеховым в деле Дрейфуса. Процесс Дрейфуса волновал умы многих выдающихся людей, в России, и на Западе. В деле Дрейфуса прогрессивные элементы мира справедливо увидели широко предпринятую попытку реакционного похода против демократии, против человеческих прав, против социальной справедливости.

Чехов, бывший в это время за границей, с пристальным вниманием изучал дело Дрейфуса и пришел к выводу, что Дрейфус не виноват. Совершенно естественно, что выступление Золя в защиту Дрейфуса вызвало восторженный отклик со стороны Чехова.

23 января он писал Ф. Д. Батюшкову из Ниццы: «У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться».

Даже одно предположение, что он не заодно с Золя, казалось Чехову незаслуженной обидой.

«Вы спрашиваете меня, — отвечал он на одно письмо, — все ли я еще думаю, что Золя прав. А я Вас спрашиваю: неужели Вы обо мне такого дурного мнения, что могли усумниться хоть на минуту, что я не на стороне Золя. За один ноготь на его пальце я отдам всех, кто судит его теперь в ассизах, всех этих генералов, и благородных свидетелей».

Чехову была ясна социально-политическая подоплека дела Дрейфуса — стремление возродить мрачное изуверство средневековья. Он говорил: «Заваривалась мало-помалу каша на почве антисемитизма, на почве, от которой пахнет бойней» (!)

Выступление Золя и тот огромный общественный резонанс, который получило дело Дрейфуса, Чехов принял как великую победу гуманизма и прогресса:

«То, что делается теперь во Франции, — писал он, — это одна из великих культурных побед конца нашего века».

Творчество Чехова отразило мировое значение русской культуры. Гениальный новатор в искусстве, Чехов проложил новые пути развития художественной прозы в драматургии.

Чехов был врагом беллетристической рутины. В многочисленных пародиях он язвительно и безжалостно высмеял надутую фразистость,

«жалкие слова и трескучие описания», мелодраматические эффекты, ложь и искусственность в изображениях людей, пошлый шаблон в описаниях природы.

Неумоимо и последовательно боролся он за кристальную чистоту и ясность языка. В его переписке с молодыми писателями одна из главных тем — необходимость с особой и ревливой тщательностью добиваться точной, краткой и выразительной речи.

Горький писал: «Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов».

В критической литературе немало написано об «отталкивании», отходе Чехова от художественных традиций прошлого, и в частности от творческих принципов Тургенева. Думается, что Горький и здесь прав, подчеркивая преемственность Чехова, связь его с великими традициями русской классической литературы. Это касается как идейного содержания, так и поэтических приемов Чехова. Если можно говорить действительно об «отталкивании» в художественной системе Чехова, то это относится к эпигонам народнической беллетристики с их натурализмом, поверхностной публицистичностью, сентиментализмом, небрежной работой над формой.

Чехов возродил блестящие традиции строгой и чистой прозы Пушкина и Лермонтова. Недаром он так восторженно оценивал «Тамань» Лермонтова. В гениальном мастерстве «Пиковой дамы» и «Княжны Мери» — истоки чеховского лаконизма, чеховского классически ясного поэтического синтаксиса, чеховской пластичности. Эти традиции Чехов обогатил и развил. Его методы психологического анализа, его умение раскрывать трагическое звучание в простых, неприметных, будничных явлениях жизни, его психологические драмы с их лирическим подтекстом, приемы его пейзажной живописи означали новый этап в мировой литературе.

Чехов оказал огромное влияние не только на русскую, но и на западноевропейскую и американскую литературу. Новеллистическому мастерству у Чехова учились Горький, Куприн, Бунин, Сергеев-Ценский. Большое воздействие оказал Чехов на американских писателей — Шервуда Андерсена и Хемингуэя, на английских писателей — Бернарда Шоу, Джона Пристли и Лесли Холуорда. Английская писательница Менсфилд находится под таким сильным влиянием Чехова, что ее называют на родине «английским Чеховым». Она писала о повести «Степь»: «Я перечла «Степь». Что можно сказать о ней? Это просто одна из самых великих повестей в мире, своего рода «Илиада» или «Одиссея». Мне кажется, что я запомню это путешествие наизусть. Есть вещи, о которых говоришь: «они бессмертны...»

Английский критик Морис Беринг в книге «Вехи русской литературы» справедливо указывает, что Чехов совершил переворот в мировой драматургии: «Чехов нашел самого себя и дал миру нечто новое и оригинальное в своих драматических произведениях... Чехов открыл, что реальная жизнь такая, какой мы ее видим ежедневно, может быть на сцене столь же интересной, сколь катастрофы или затруднения, более или менее исключительные, которые автор выбирает для своих произведений именно вследствие их драматичности».

Об умении Чехова в простых и неприметных фактах жизни раскрывать их внутреннюю драматичность говорил и французский критик Вогюэ: «Как искра от кремня, высекаемого в темноте, освещает мгновение необъятную толпу, сокрытую во мраке, так какая-нибудь его отметка, искусно выбранная, раскрывает перед нами всю жизнь, распутывает сложные узлы внутренней драмы».

Западноевропейская критика отмечала в творениях Чехова «русскую широту кругозора и русские критерии эмоциональной восприимчивости и моральных оценок» (Эдвард Гарнет. Чехов и его мастерство). И это, конечно, справедливо.

Фашистские фальсификаторы пытались использовать Чехова для глупых и клеветнических измышлений о характере русского народа. Они стремились доказать, что Чехов отразил неспособность, бессилие и душевную дряблость русского человека, отсутствие в нем активного, творческого, созидательного начала. Страшные поражения, нанесенные нашим народом немецким захватчикам, показали, к чему привела их недооценка противника, лживые беспочвенные вымыслы о бессилии и неспособности русского народа.

Волевое, активное, жизнеутверждающее отношение к миру, непреклонное стремление к свободе и социальной гармонии, вражда к пошлости, к рабской приниженности, ненависть к тирании, несправедливости и гнету, широта и размах социальных исканий — вот какие черты и особенности русского народа нашли свое выражение в творчестве Чехова.

Чехов не увидел той великой очистительной бури, которая уничтожила в нашей жизни все отжившее и уродливое и которая разбудила могучие творческие силы нашего народа. Но страстным и нетерпеливым ожиданием этой бури, предчувствием неизбежности ее прихода проникнуто все творчество Чехова. В рассказе «Невеста» есть такие слова: «О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!»

Чехов с необыкновенной остротой сознавал необходимость героического слова в литературе, того героического слова, которое с такой силой и блеском произнес младший его современник Горький. Но если самому Чехову не довелось произнести это героическое слово, то своим отрицанием бездеятельного, пассивного отношения к действительности он явился прямым и непосредственным предтечей Горького.

Источником критического отношения Чехова к действительности было твердое убеждение, что Россия способна осуществить идеал творческого устройства общества, создать ту новую и ясную жизнь, когда человек сможет «прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым и свободным». Именно поэтому говорил Горький, что хорошо вспомнить о Чехове — «тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл».